

ПОСОХИ И КРИВУЛИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПРУССОВ

*Жезлы в культуре раннесредневековых пруссов известны в двух вариантах: посохи и кривули. Представленные в статье данные позволяют сделать следующие предварительные выводы об использовании пруссами различных форм жезлов: 1) в эпоху раннего средневековья (быть может, уже в начале I тыс. н.э.) жители юго-восточной Балтии используют посохи/жезлы с различными навершиями как обозначение социального статуса их владельцев; 2) жезл, судя по незначительной длине не имевший практического значения, находился в левой руке каменных изваяний пруссов, изображавших легендарных князей Брутено и Видевуто. В правой руке изваяния находился жертвенный питьевой рог. Очевидно, и жезл, и рог были атрибутами, необходимыми при проведении жертвоприношения; 3) преимущественно церемониальное значение имели искривленные ветви деревьев *krivula*, принадлежавшие жрецам различных рангов и специализаций. Судя по сохранности экспонатов инстербургской коллекции, такие *krivula* использовались пруссами по Новое время включительно; 4) с определенной долей осторожности можно предположить, что в предорденское время частью культовой атрибутики при жертвоприношениях у представителей прусского общества различных социальных рангов были прямые посохи/жезлы. Жрецы различных уровней в процессе отправления культовых церемоний пользовались искривленными жезлами-*krivula*.*

Ключевые слова: пруссы, эпоха раннего средневековья, атрибуты, социальное и культовое значения.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-45-2-097-103

Введение

Жезлы — продолговатые предметы, как правило, круглого сечения, потенциально служащие некими социальными маркерами (ср. с позднейшими королевскими скипетрами и маршалскими жезлами), представлены в культуре раннесредневековых пруссов посохами и кривулями (нем. *Krummstab*, *Schulzenstock*, лат. *baculus*). Последние были известны преимущественно по письменным и фольклорным источникам. До последнего времени археологических свидетельств наличия указанных артефактов в материале юго-восточной Балтии обнаружено не было, поэтому жезлы различных форм исследованию не подвергались. Однако при более внимательном рассмотрении прусского археологического материала присутствие жезлов в культуре аборигенов Янтарного края находит подтверждение.

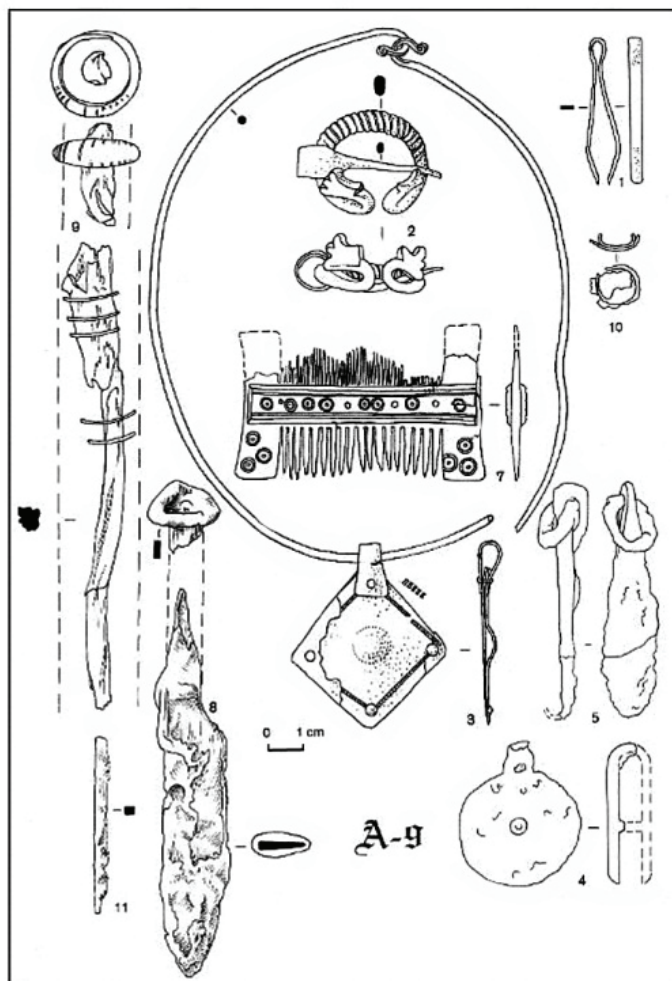
Материалы и методика

В 1996 г. Балтийская экспедиция провела раскопки грунтового могильника Arnau/Марьино (Гурьевский р-н Калининградской обл.), перекрытого в XIV в. кирхой св. Екатерины. Среди трупоположений, в целом датируемых XII–XIII вв., обнаружено погр. А-9¹. Незначительная длина костяка — 1,35 м и субтильность костей позволили предположить женский пол погребенного здесь субъекта. Правда, указанные выше гендерные признаки соответствуют в том числе подростку. Против женской принадлежности костяка в погр. А-9 свидетельствуют одиночная фибула (в женский убор пруссов входила, как правило, пара фибул) и двухсторонний костяной гробень (рис. 1).

В любом случае по обилию погребального инвентаря можно судить о неординарном положении захороненного в погр. А-9 субъекта в местной общине. Этот вывод подтверждается уникальной для прусских погребений предорденского времени находкой — остатков посоха в двух фрагментах общей длиной 32 см. От него сохранилась верхняя часть диаметром от 2 до 3 см. Навершием посоху служил бронзовый перстень с рубчатыми насечками на лицевой стороне. В сохранившейся нижней части видна оплетка посоха в виде спирально свернутого отрезка бронзовой проволоки диаметром около 1 мм. Жезл находился в правой руке погребенного и был

¹ В традициях прусской археологии принято перед номером погребения ставить буквенный индекс могильника. Например, «погр. А-9» — погр. 9 могильника Арнау/Марьино.

прижат при осуществлении захоронения умершего к его телу. Данное погребение датируется временем около середины XIII в. и по наличию в могиле посоха интерпретируется как захоронение жрицы-вайделотки [Кулаков, 2017b, с. 147] или же подростка, члена местной аристократии.

Рис. 1. Инвентарь погр. А-9 могильника Arnau/Марьино [Кулаков, 2017b, рис. 6].
Fig. 1. Stock grave A-9 of the Arnau/Maryino burial ground [Kukakov, 2017b, fig. 6].

Глинистое заполнение погр. А-9 способствовало сохранности остатков посоха, снабженного перстнем-навершием и проволочной оплеткой рукояти (?). В остальных захоронениях носителей прусской раннесредневековой культуры органика (в первую очередь дерево) не сохраняется. Правда, в погребальном инвентаре V в. на могильниках Самбии представлены спиральные бронзовые (в одном случае — золотой) перстни [Gaerte, 1929, Abb. 236, b]. То, что их диаметр иногда достигал 3 см, ставило археологов перед неразрешимым вопросом: какие пальцы могли украшаться такими перстнями? Спиральная оплетка посоха из погр. А-9 позволяет предполагать такую же функцию у спиральных перстней ранней фазы прусской культуры (или хотя-бы части таких перстней). В одном случае витой перстень использовался как «шумящая» подвеска к фибуле типа Duratón [Кулаков, 2004, рис. 56, погр. Do-147].

Три из 13 раннесредневековых каменных изваяний пруссов, информация о которых в настоящее время находится в распоряжении западнобалтской археологии, несут изображения прямых посохов. Эти изваяния, воссоздающие образы легендарных прусских князей Брутена и Видевута, мифических защитников прусского племенного ареала [Кулаков, 2017а, с. 167], держат посох (в одном случае — с навершием в виде птичьей головы (?) в левой руке, в правой же — жертвенный питьевой рог (рис. 2).

Посохи и кривули раннесредневековых пруссов

Рис. 2. Каменные изваяния пруссов с изображениями посохов:
 1 — Torn/Toruń; 2 — Mosgau/Mozgowo-Laseczno; 3 — Goldau-Heinrikau/Goldowo-Języchowo [Кулаков, 2017а, рис. 2, 3].
 Fig. 2. Stone sculptures of Prussians with the images of the staves [Kulakov, 2017а, fig. 2, 3]:
 1 — Torn/Toruń; 2 — Mosgau/Mozgowo-Laseczno; 3 — Goldau-Heinrikau/Goldowo-Języchowo.

Рис. 3. Прусские сельяне:
 1 — «старый языческий прусс», из книги М. Вайсселя, 1599 г. [Кулаков, 1994, рис. 77];
 2 — прусские сельяне, по книге Хр. Харткноха, 1684 г. [Кулаков, Скворцов, 2000, рис. 5].
 Fig. 3. Prussian villagers:
 1 — «Old Pagan Prussian» from the book by M. Weissel, 1599 [Kulakov, 1994, fig. 77];
 2 — Prussian villagers from the book of Chr. Hartknoch, 1684 [Kulakov, Skvortsov, 2000, fig. 5].

Посохи, которые правильнее называть жезлами, у каменных изваяний достигают (условно) длины не более 1,0 м и выглядят прямыми. Конструктивно они мало чем отличаются от посоха в погр. А-9. По своей форме такие жезлы восходят, очевидно, к пастушеским посохам, длина

которых, по данным этнографии различных древних народов Евразии, достигала более 1,5 м. Разумеется, их практические функции укороченные версии жезлов (в погр. А-9 и на каменных изваяниях) выполнять не могли.

Примечательно, что такие предметы представлены на изображениях прусских общинников Нового времени (рис. 3).

При этом на рисунке конца XVI в. (рис. 3, 1) посох, более напоминающий дубину ввиду расширения своего конца, снабжен четырьмя бронзовыми (?) оплетками. Здесь просматривается прямая аналогия с посохом из погр. А-9. Традиция украшения металлическими накладками посохов (скорее всего — дубин) сохранялась в Пруссии до конца XVII в. (рис. 4).

Рис. 4. Шмуцтитул книги Кристофа Харткноха «Старая и Новая Пруссия...», 1684 г.
 Fig. 4. The half-title of the book «Old and New Prussia» by Christoph Hartknoch, 1684.

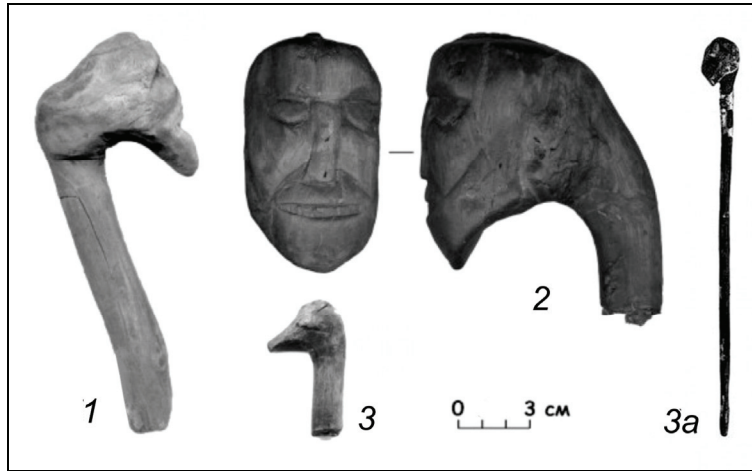
В погребальных древностях пруссов эпохи Орденского государства имеется абсолютно уникальный пример посоха с навершием из каменного молота эпохи бронзы (?). Торцевая часть посоха была расклепана в верхней части отверстия для рукояти топора железной заклепкой с широкой крышкой. Остатки такого посоха (жезл власти или ритуальный атрибут?) были обнаружены А.А. Валуевым при раскопках грунтового могильника Alt-Wehlau/Прудовка [2001, с. 15]. Правда, в данном случае вероятно прямое использование молота по своим естественным рабочим возможностям в рамках земледельческих культов, актуальных для пруссов и после завоевания их земель Орденом [Кулаков, Скворцов, 2000, с. 187].

Примечательно, что использование посохов/жезлов раннесредневековыми новгородцами известно по данным новгородской археологии. Навершия их посохов или имеют шаровидную форму, или же примитивно воссоздают человеческую личину (рис. 5).

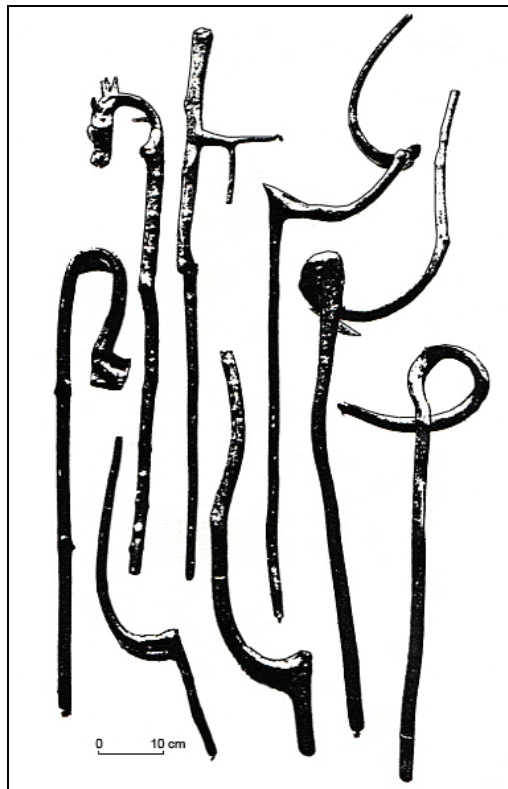
В современной отечественной археологической науке сформировались две концепции интерпретации таких жезлов в эпоху средневековья в Новгороде: ритуальная и, возможно, утилитарная [Мусин и др., 2016, с. 162]. Значительный количественный массив новгородских жезлов, разнообразие форм их наверший позволяют подозревать различные формы их практического использования в зависимости от формы наверший. Прусские прямые посохи/жезлы, с учетом их изображений на

Посохи и кривули раннесредневековых пруссов

сакральных для пруссов каменных изваяниях и места посоха в погребении, скорее имели культовое значение, что не исключает осознания пруссами посохов/жезлов как социальных маркеров.

Рис. 5. Посохи с изогнутыми наверху из Новгород Великого:
1–3 — по: [Мусин и др., 2016, рис. 4]; 1а — по: [Колчин, 1968, табл. 33].
Fig. 5. Staves with curved tops from Novgorod the Great:
1–3 — from [Musin et al., 2016, fig. 4]; 1a — from [Kolchin, 1968, tabl. 33].

Рис. 6. Кривули XIX в. с территории Неманского левобережья [(Anonim), 1905, Taf. 17].
Fig. 6. Krivuli of 19th century from the territory of the Neman Left Bank.

Традиция использования посохов/жезлов как социальных маркеров продолжилась в юго-восточной Балтии и в Новое время. Как свидетельствует Николаус фон Ерошин, посох-krivula (прус. «кривой») являлся знаком высшей власти (как духовной, так и, очевидно, мирской) верховного жреца западных балтов Криве-Кривайтиса [Mannhardt, 1936, S. 108]. Правда, судя по названию, данный посох (скорее — жезл), в отличие от посохов членов прусской общины, был искрив-

ленным. Его навершия в текстах не упоминаются. В «позднейшей Литве» (т.е. в материалах балтской этнографии) кривуля посылалась по деревне как призыв к общему сходу [Ibid., S. 94–97]. Та же специфика была и у прусских кривулей [Топоров В.Н., 1984, с. 203]. Кривули служили не только знаковым атрибутом верховного жреца, но и знаками гадателей по полету птиц — жрецов-lekkutones. Во время своих гаданий эти персонажи в руке держали кривули [Mannhardt, 1936, S. 357].

В коллекции Общества древностей в Инстербурге хранилось несколько прусских этнографических посохов/жезлов, причем лишь один из них имел прямой стержень и обладал навершием в виде головы коня (рис. 6).

Остальные обладали всевозможными видами естественных искривлений, полностью соответствуя понятию *krivula*. Какое-либо использование кроме указанных выше ритуальных функций для подобных посохов предположить ввиду их особой формы невозможно.

По данным краеведа XVII в. Маттеуса Преториуса, пруссы в эпоху Нового времени поклонялись деревьям с искривленным стволом, прусские мужчины приносили в жертву божествам этих деревьев свои пояса [Gaerte, 1935, S. 180].

Судя по приведенным отрывочным данным о специфике использования пруссами и представителями иных балтских племен во II тыс. н.э. искривленных древесных ветвей (*krivula*), они воспринимались последними язычниками Европы как свидетельство святости. На это прямо указывает и ритуальное имя прусского первосвященника — Криве-Кривайтис.

Заключение

Представленные в статье данные позволяют сделать следующие предварительные выводы об использовании пруссами различных форм жезлов:

1. В эпоху раннего средневековья (быть может — уже в начале I тыс. н.э.) жители юго-восточной Балтии используют посохи/жезлы с различными навершиями как обозначение социального статуса их владельцев.

2. Жезл, судя по незначительной длине не имевший практического значения, находился в левой руке каменных изваяний пруссов, изображавших легендарных князей Брутено и Видевуто. В правой руке изваяния находился жертвенный питьевой рог. Очевидно, и жезл, и рог были атрибутами, необходимыми при проведении жертвоприношения.

3. Преимущественно церемониальное значение имели искривленные ветви деревьев *krivula*, принадлежавшие жрецам различных рангов и специализаций. Судя по сохранности экспонатов инстербургской коллекции, такие *krivula* использовались пруссами по Новое время включительно.

4. С определенной долей осторожности можно предположить, что в предорденское время частью культовой атрибутики при жертвоприношениях у представителей прусского общества различных социальных рангов были прямые посохи/жезлы. Жрецы различных уровней в процессе отправления культовых церемоний пользовались искривленными жезлами-*krivula*.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Валуев А.А. Работы Калининградского отряда Балтийской экспедиции // АО 2000 г. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 12–13.

Колчин Б.А. Новгородские древности: Деревянные изделия // САИ. 1968. Вып. Е1-55. 184 с.

Кулаков В.И. Прусы (V–XIII вв.). М.: Геоэко, 1994. 214 с.

Кулаков В.И. Доллякайм-Коврово. Исследования 1879 г. Мн.: Ин-т истории НАН, 2004. 135 с.

Кулаков В.И. Каменные изваяния пруссов // Исторический формат. 2017а. № 1–2. С. 151–169.

Кулаков В.И. Terminus post quem кирхи в Арнау/Родники // Зборнік дакладаў і тэзісаў VII Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі «Традыцыі і сучасны стан культуры і мастацтваў (Мінск, Беларусь, 24–25 лістапада 2016 года). Мінск: Права і эканоміка, 2017б. Т. 1. С. 143–150.

Кулаков В.И., Скворцов К.Н. Топорик из Варген: (Ранговое оружие последних язычников Европы) // *Slavia Antiqua. Poznań*, 2000. Т. XLI. С. 173–189.

Мусин А.Е., Тарабардина О.А., Кокуца Л.В., Кубло Э.К. Деревянные предметы с христианской и языческой символикой из раскопок в Новгороде и Старой Руссе // Рос. археол. ежегодник. СПб.: СПбГТУ, 2016. № 5–6. С. 157–170.

Топоров В.Н. Прусский язык: Словарь. К–Л. М.: Наука, 1984. 439 с.

(Anonim). 17 Tafeln mit Abbildungen der wichtigsten Stücke des Museums der Altertumsgesellschaft nebst Erklärung 1880-1905 // Festschrift zum 25jährigen Jubiläum der Altertumsgesellschaft Insterburg, Insterburg, 1905. 17 Taf.

Gaerte W. Urgeschichte Ostpreußens. Königsberg: Verlag Gräfe und Unzer, 1929. 405 S.

Gaerte W. Kriechkur in Altpreußen // Altpreußen. Königsberg, 1935. Jg. 1, H. 3. S. 182.

Mannhardt W. Letto-preussische Gotterlehre. Riga: Lettisch-Literarische Gesellschaft, 1936. 673 S.

TYPES OF MACES IN THE CULTURE OF EARLY MEDIEVAL PRUSSIANS

There are two known versions of maces in the culture of early medieval Prussians: staffs and *krivula* (crooked staffs). The data presented in this article has allowed the author to draw the following preliminary conclusions about the use of various forms of maces by the Prussians: (1) In the Early Middle Ages (presumably already at the beginning of the first century AD), the population of the southeastern Baltic used staffs/maces with different tops symbolizing the social status of its owner. (2) A mace, which had obviously no practical significance judging by its insignificant length, can be seen in the left hand of Prussian stone sculptures, depicting legendary princes Bruteno and Widewuto. In the sculpture's right hand, there is a sacrificial drinking horn. Obviously, both a mace and a horn were attributes necessary for offering sacrifices. (3) Curved branches of the *krivula* trees, which belonged to priests of various ranks and specialties, were primarily of ceremonial significance. Judging by the preservation state of the Insterburg collection exhibits, such *krivulas* were used by the Prussians including in the Modern Era. (4) With a certain degree of caution, it can be assumed that in the pre-order time straight staffs/maces were among sacrificial attributes of the Prussian society representatives of various social ranks. Priests of different levels used crooked staffs (*krivula*) in the course of religious ceremonies.

Key words: the Prussians, period of the Early Middle Ages, attributes, social and cult values.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-45-2-097-103

REFERENCES

- (Anonim) (1905). 17 Tafeln mit Abbildungen der wichtigsten Stücke des Museums der Altertumsgesellschaft nebst Erklärung 1880–1905. *Festschrift zum 25jährigen Jubiläum der Altertumsgesellschaft Insterburg*, Insterburg.
- Gaerte W. (1929). *Urgeschichte Ostpreußens*, Königsberg: Verlag Gräfe und Unzer.
- Gaerte W. (1935). Kriechkur in Altpreußen. *Altpreußen*, 1(3), Königsberg.
- Kolchin B.A. (1968). Novgorod antiquity: Woodworks. *Svod arkhejlogičeskikh istočnikov*, (E1-55). (Rus.).
- Kulakov V.I. (1994). *The Prussians (5–8th cc.)*, Moscow: Geoeko. (Rus.).
- Kulakov V.I. (2004). *The Doll'kaim-Kovrovo: The researches of 1879*, Minsk: Institut istorii NAN. (Rus.).
- Kulakov V.I. (2017a). Stone statue of the Prussians. *Istoričeskij format*, (1–2), 151–169. (Rus.).
- Kulakov V.I. (2017b). Terminus post quem of the Church in Arnau/Rodniki. *Zbornik dokladv i tezisav VII Mizhnarodnaj navukova-praktythnaj konferenzii «Tradyzi i suchasny stan kultury i mastazvav (Minsk, Belarus', 24–25 listapada 2016 goda)*, 1 (pp. 143–150), Minsk: Prava i ekanomika. (Rus.).
- Kulakov V.I., Skvortzov K.N. (2000). Hatchet from the Wargen: (Rank weapons of the last pagans of Europe). *Slavia Antiqua*, XLI, Poznań, 173–189. (Rus.).
- Mannhardt W. (1936). *Letto-preussische Gotterlehre*, Riga: Lettisch-Literärische Gesellschaft.
- Musin A.E., Tarabarina O.A., Kokuza L.V., Kublo E.K. (2016). The wooden objects with Cristian and pagan symbols from the excavations in the Novgorod and Staraya Russa. *Rossijskij archeologičeskij ezhegodnik*, (5–6), 157–170. (Rus.).
- Toporov B.H. (1984). *The Prussian language: Dictionary. K–L*, Moscow: Nauka. (Rus.).
- Valujev AA. (2001). Works of the Kaliningrad detachment of the Baltic expedition. *Archeologičeskije otkrytija 2000 goda* (pp. 12–13), Moscow: Editorial URSS. (Rus.).

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 09.04.2019

Accepted: 01.04.2019

Article is published: 28.06.2019